

УДК 811.161.1'282.2'373(571.1)

О. Г. Щитова

ТЮРКИЗМЫ РУССКИХ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА

Работа посвящена исследованию лексики тюркского происхождения в составе русских говоров Среднего Приобья XVII в. Установлено, что данная лексика составляет одну из характерных черт, свойственных зародившемуся в XVII в. пограничному языковому континууму, и ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов. В научный оборот введены неопубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: историческая лексикология, диалектология, заимствование, иноязычная лексика, среднеобские говоры, деловая письменность XVII в., фронтир.

Среднеобские говоры вторичного типа начинали складываться на базе материнских говоров европейской территории Московской Руси, представляющих в ситуации сибирского пограничья славянский язык и культуру, принесенные с Запада. Славянская культура в XVII в. транспонировала с собой в Сибирь и те элементы культуры, которые сама усвоила у народов Западной Европы, западных тюркских, монгольских и других этносов. В дополнение к этому западному «наследству» в период заселения Сибири приобретаются новые культурные достижения местных племен, прежде всего связанные с традиционным укладом жизни автохтонного населения. В результате такого наложения, слияния образуется нечто качественно новое, не равное простой сумме слагаемых. В XVII в. происходит самое начало формирования качественно нового языкового континуума, исследование которого в аспекте пограничья (фронттира) может стать предметом изучения не только лингвистики, но и других гуманитарных наук (этнографии, истории, географии, экономики и др.).

Идея фронттира, выдвинутая в конце XIX в. американским историком Ф. Дж. Тернером, оказала влияние на развитие гуманитарной области знания в международном масштабе. Под термином *фронттир* (от английского *frontier* 'рубеж, граница') понимается *подвижная граница*, условная линия, которой фиксируют разделение национальных групп [1, с. 18; 2]. Понятие *фронттир*, на наш взгляд, перспективно и в лингвистических исследованиях, поскольку включает в себя представления не столько о реальных, сколько о воображаемых разграничительных линиях, в том числе и о ментальных границах.

Фронттир понимается нами как зона интерференции русской культуры и культуры исконного сибирского населения, реализующейся в определенных языковых трансформациях. Термин *фронттир* соответствует термину *адстрат* в традиционной триаде *адстрат – субстрат – суперстрат*. Преимущество использования термина *фронттир* заключается в том, что он вписывается в современную гуманитар-

ную парадигму: фронттир – это исследовательский прием, позволяющий рассматривать взаимодействие культурно-ментальных локальных систем, отраженных в тексте, и направленный на поиски той общей основы взаимодействующих культур, которая либо позволяла состояться фактору идентификации, либо была отвергнута в результате этого взаимодействия.

В истории лексики говоров Среднего Приобья, по своему характеру являющихся переселенческими, говорами вторичного образования, отчетливо выделяется два периода их существования – *досибирский* и *сибирский*. К *досибирскому* периоду относится лексика, привнесенная в среднеобские говоры первоначальниками сибирского края, бывшими жителями европейской территории российского государства. Это в основном общерусская лексика, заимствованная русским языком и его говорами, ставшими материнскими по отношению к среднеобским (из языков Западной Европы, тюрко-монгольских, финно-угро-самодийских и других), в большинстве своем адаптированная и ассимилированная к XVII в.

Особый интерес для выявления особенностей среднеобского фронттира XVII в. представляет иноязычная лексика *сибирского* периода вхождения в говоры среднеобского бассейна XVII в. Она является отражением этнических контактов русскоязычных первоначальников Западной Сибири с носителями местных языков – аборигенов этого края и составляет особенность языкового континуума, сложившегося в результате неповторимого синтеза столь различных языков и культур на границе между Западом и Востоком.

Конец XVI–XVII вв. является начальным периодом активного заселения русскими огромного сибирского пространства. В конце XVI – начале XVII в. были возведены остроги будущего Томского уезда, поэтому томские говоры XVII в. находились на границе между Западом и Востоком и отражали состояние пограничья, взаимопроникновения культур и языков европейской России и сибирского автохтонного населения.

В результате такого взаимопроникновения в XVII в. образуется нечто третье, не равное простой сумме слагаемых, т. е. зарождение качественно нового языкового континуума. Исследование корпуса иноязычных номинаций, входящих в лексический состав данного пограничного языкового образования, позволяет выявить не только характерные для него в XVII в. новые направления языкового контактирования, но и изменения, произошедшие с унаследованными от материнских говоров лексическими элементами в новых условиях.

Целью работы является анализ тюркизмов сибирского периода с точки зрения языков-источников для выявления ведущего тюркского влияния на томские говоры XVII в. и направления основного культурного воздействия, приведшего к формированию пограничного языкового континуума в среднеобском ареале.

Материалом для исследования послужили томские деловые документы XVII в., в значительной степени отражающие томскую разговорную речь: приходные, расходные и таможенные книги, челобитные служилых людей и крестьян, отписки томских воевод, расспросные и пыточные речи, грамоты и др. В основу исследования положены рукописи документов Сибирского приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, ф. 214 (г. Москва) (РГАДА), в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета, Государственном архиве Томской области, а также опубликованные документы и лексикографические источники: «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» (Томск, 2002) [3] и его картотека, хранящаяся в Томском государственном университете, «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» Л. Г. Панина (Новосибирск, 1991) [4].

В процессе семантизации лексических единиц и для реализации сопоставительного аспекта исследования были использованы в качестве дополнительных источники более широкого ареала: сибирские деловые документы и памятники, написанные на территории распространения материнских говоров, а также лексикографические источники [4–13] и материалы картотек Словаря русского языка XI–XVII вв. (КСлРЯ XI–XVII вв.), Словаря древнерусского языка (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва), Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

В настоящей работе под тюркизмами понимаются восточные слова, для которых тюркские языки являются или языком-источником, или языком-посредником, то есть слова, проникшие в русский язык непосредственно из тюркских языков. В тюр-

кологии возможна более широкая трактовка данного термина: в понятие тюркизмов включаются лексические единицы, вошедшие в принимающий язык не только непосредственно из тюркских, но и через посредство других языков ([14–16] и др.). Принятое нами терминологическое ограничение объясняется стремлением к выявлению лексики, свидетельствующей о непосредственных контактах носителей русского языка с тюркскими этносами; такой угол зрения на тюркизмы также встречается в лингвистической литературе.

Определим особенности содержания фрагмента лексики тюркского происхождения, вошедшей в томские говоры в сибирский период на фоне досибирских тюркизмов. Для этого необходимы разграничение и определение непосредственного источника заимствования [17, с. 103–106], дифференциация тюркского влияния на русский язык и его говоры. «Затемненный временем язык-источник, ограниченность по тюркизмам научной документации, специально вычлененного из памятников письменности историко-лингвистического материала, а также лингвогеографических данных осложняет решение проблемы о тюркском влиянии на русский язык» [15, с. 4].

Нами уже было отмечено, что среди досибирской лексики тюркского происхождения, отраженной в томских деловых документах и заимствованной в материнские говоры до XIV в., преобладают болгарские и южно-тюркские, в основном турецкие, элементы. В составе пласта тюркизмов среди заимствований в XIV в. начинается и в XV в. продолжается увеличение количества татарских, преимущественно крымско-татарских элементов (*казна, кирпич, калпак, башмак, камка, лал, кафтан, таборы* и пр.), при этом не уменьшается и объем тюркизмов (*алтын, кабала, ремень, харч, черкас* и др.).

Обратимся к таблице, в которой представлена классификация тюркизмов последней стадии досибирского и начальной стадии сибирского периода существования русских говоров Среднего Приобья. Основанием для классификации послужили источники заимствования тюркизмов, объединенные по группам тюркской семьи языков. С помощью таблицы представляется возможным выявить особенности направлений языкового контактирования, отразившегося на содержании пласта тюркизмов сибирского периода вхождения по сравнению с досибирским. В таблице подчеркнуты слова татарского происхождения.

Тюркизмы, выделенные на основании анализа памятников среднеобской деловой письменности XVII в., заимствованы из различных групп тюркской семьи языков (классификация А. Н. Самойловича [18, с. 527]): болгарской, огузской (юго-западной), кыпчакской (северо-западной), уйгурской (северо-восточной), чагатайской (юго-восточной).

Лексика тюркского происхождения в томских говорах XVII в., заимствованная в XVI–XVII вв.

Хронология	Группы тюркских языков-источников						
	юго-зап. (тур.)	зап.	сев.-зап.	сев.-зап. и юго-вост.	юго- вост.	вост.	сев.-вост.
Досибирские XVI в.	азям	арбуз	<u>аманат</u>	изюм		куяк	игрень
	бирюза	аркан	<u>анбар</u>	сакма		барс	
	изуфрь	есаул	аршин				
	кошма	ишак	<u>барс</u>				
	кутня	кагырь	<u>буланый</u>				
	мусат	каюк	<u>тулуп</u>				
	ферезь	кушак	<u>штаны</u>				
		мулла	<u>юфть</u>				
		сафьян	<u>чемодан</u>				
		чал					
		чердак					
	22 %	35 %	32 %			6 %	2,8 %
		89 %				9 %	
Сибирские XVII в.	тархан	мунчак	<u>багасары</u>		тархан		каир
	яшма	нашатырь	барсук				кандык
		ясырь	бечева				мунчак
			калмак				саяны
			киргиз				тонгус
			<u>киштым</u>				
			<u>курлук</u>				
			<u>кумач</u>				
			<u>тогуш</u>				
			<u>чаты</u>				
			<u>чувал</u>				
	8 %	12 %	50 %		4 %		20 %
		70 %				24 %	

Примечание: подчеркнуты слова татарского происхождения.

Основные группы данной классификации тюркских языков приняты в Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (2002), в которой на основе данных, полученных в результате анализа современных языков, письменных памятников и использования метода внутренней реконструкции, «представлены результаты новой попытки классифицировать тюркские языки», связанные с дальнейшей конкретизацией и более подробным делением языков уйгурской группы [19, с. 4].

В томских деловых документах *досибирские* тюркские заимствования XVI в. представлены лексическими единицами, вошедшими в русский язык главным образом из северо-западной (кыпчакской) и юго-западной (огузской) групп тюркской семьи языков.

Западно-тюркские заимствования (из кыпчакского, татарского, крымско-татарского, турецкого, азербайджанского и др. языков) составляют 82 % всех тюркизмов XVI в. При этом языки северо-западной группы (в основном крымско-татарский, казанско-татарский и татарский) послужили источником для 30 % слов, турецкий язык – для 18 % слов и примерно 33 % лексем имеются как в татарском, так и в турецком языках. Поскольку многие из тюркских языков в XVI–XVII вв. были бесписьменными, то нельзя провести четкую грань между

языками северо-западной и юго-западной групп и посвящаем им в таблице отдельную колонку «зап.» (= западные группы тюркских языков), в которую помещены слова, известные как в турецком, так и в татарском и др. языках кыпчакской группы. Такой же «смешанный» характер имеют столбцы «вост.» и «сев.-зап. и юго-вост.»: столбец «вост.» (= восточные группы тюркских языков) объединяет лексический материал, зафиксированный одновременно в языках северо-восточной и юго-восточной групп (тувинском, хакасском, чулымско-тюркском, якутском; чагатайском (староузбекском), узбекском, уйгурском); столбец «сев.-зап. и юго-вост.» (= северо-западная и юго-восточная группы тюркских языков) содержит лексемы, распространенные в языках названных групп. Такое «отсеивание» неоднозначного материала помогло нам выявить тюркизмы с однозначно определяемым источником заимствования и вследствие этого наметить тенденции и особенности пласта лексики тюркского происхождения, нашедшей отражение в среднеобских говорах на ранних стадиях сибирского периода их формирования.

Из восточно-тюркских языков заимствовано всего около 9 % всех тюркизмов XVI в. Это единичные лексемы, зафиксированные в тюркских языках не только северо-восточной или юго-вос-

точной, но и других групп (*куяк, барс, игрень* и др.).

Анализ томских деловых документов XVII в. позволяет сделать вывод о том, что ведущим тюркским влиянием в *сибирский период* (XVII в.) в томских говорах является татарское. В самой многочисленной группе лексики, заимствованной из языков северо-западной группы тюркской семьи (казахский, киргизский, кыпчакский, татарский), более 69 % слов вошло в русские говоры Среднего Приобья из разных языков и диалектов татарского языка: языка крымских татар, говоров казанских татар, языков и диалектов западносибирских татар, в частности чулымских, томских татар (в том числе калмаков, чатов и эуштинцев) и других (*багасары, киштым, курлук, кумач, тогуш, чаты, чувал* и т. д.).

Западно-тюркские заимствования в целом составляют более 70 % из общего количества тюркизмов, заимствованных в XVII в. (25 лексических единиц): *тархан, яшма* – из турецкого; *мунчак, нашатърь, ясырь* – известны как в турецком, азербайджанском и др. огузских языках, так и в кыпчакских. Показательно, что среди тюркизмов XVII в. сравнительно с досибирским периодом в русских говорах Западной Сибири уменьшается количество лексических элементов из юго-западной группы тюркских языков: около 8 % тюркизмов XVII в. известно только огузским языкам (в основном турецкому, а также азербайджанскому) по сравнению с 18 % в XVI в.

Среди тюркских заимствований *сибирского периода* (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточно-тюркских элементов. Если в XVI в. их удельный вес составлял около 9 %, то в XVII в. восточно-тюркские элементы имеют удельный вес более 24 % за счет усиления интенсивности заимствования из северно-восточной группы тюркских языков и диалектов: хакасского, алтайского, казахского, якутского (*каир, кандык, мунчак, саяны (саянцы), тонгус* и др.). Последние составляют около 24 % в XVII в. по сравнению с 2,8 % в XVI в. Намеченная тенденция усиления интенсивности процесса заимствования из тюркских языков северо-восточной группы в среднеобских (томских) говорах XVII в. нашла выражение в современных говорах Среднего Приобья [20, с. 146–160] (см. таблицу).

Увеличение количества восточно-тюркских номинаций в составе неисконной лексики сибирского периода по сравнению с досибирским, выявленной по результатам анализа томских деловых документов XVII в., доказывает движение славянского мира навстречу Востоку, зарождавшееся для среднеобского ареала в XVII в. в форме складывающегося пограничного языкового континуума, на состоянии которого отражается постепенное упрочение контактов русскоязычного населения Сибири с

тюркоязычным, усиление влияния культуры исконного населения Сибири, движущейся с Востока, на славянскую культуру насельников Среднего Приобья.

Работа с сибирскими письменными памятниками позволила внести коррективы в хронологию ранней фиксации в русской письменности тюркизмов (в скобках приводится уточняемая датировка заимствования):

калмак (колмак) ‘калмык’ – 1598 г. «А самъ я, холопъ твой, покиня кошъ на Икѣ озерѣ, и пошолъ на Кучюма царя на Оби на рѣке, выше чать три днища, на лугу на Ормени, отъ *калмаковъ* въ дву днищахъ...» 1598 г. [21, с. 3] – КСЛРЯ XI–XVII вв. (1643 г., Нарым [3, с. 58]);

табары ‘лагерь, становище’ – 1484 г. «Того же лета в великий пост прииде Карача со многими воинскими людьми, и облегоша град Сибирь обозами, и табары поставиша...», Румянцевский летописец [3, с. 153] (XVII в. *табар* ‘турецкий лагерь’ – Азовское взятие [22, т. 4, с. 6]);

ясырь ‘пленник из числа местного населения’ – Березов, Нарым, 1602 г. [23, т. 2, с. 409]: «Были де оне на нашей службе в Пегой орде, и городок взяли и наших непослушников под нашу царскую высокую руку привели, а *ясырь* де, которой они поимали, привели к себе на Березов; и по нашему де указу воевода Василей Плещеев тот *ясырь*, взяв у них, распустил на волю, и тот де их *ясырь* ныне волочитца меж двор... и как к вам ся наша грамота придет, а которой полон Нарымской у Березовских у атаманов и у казаков отписан на Березове на нас, и вы б тот полон атаманом... отдавали им назло...» [23, т. 2, с. 409] (1641 г. – Тобольский острог [3, с. 175]).

По томским деловым рукописям произведены хронологические коррективы заимствования следующих локально ограниченных лексических единиц XVII в., функционировавших на территории сибирского фронта:

каир ‘мускус, получаемый из подбрюшной сумочки бобра’ – Томск, 1652 г.: «Фунт каиру бобрового...» [24, кн. 305, л. 54 об.] (известна фиксация данной лексемы в тобольских памятниках 1686 г. «*каира* (знач.?)» [3, с. 58]; в СЛРЯ XI–XVII вв. приведен контекст 1687 г. из «Списков с товарных ценовых росписей и перечневой выписке по городу Енисейску XVII в.» – «[КАИРА] ?» [8, т. 7, с. 26]);

кандык ‘растение *Erythronium sibiricum*’ – Томск, 1636 г.: «По третей годъ хлѣбной недородъ ... и многие ѣдят траву боршь и кандыкъ корен копают и едят...» [24, ст. 53, л. 684]; для данного тюркизма определение хронологии ранней фиксации в русских памятниках производится по томским рукописям XVII в., поскольку слово *кандык* отсутствует в сибирских исторических словарях

[3; 5], кроме томского [4, с. 93], и не отмечено в СлРЯ XI–XVII вв.;

тугуш (*тогуш*, *токуш*) ‘годовалый лосенок; шкура годовалого лосенка’ – Томск, 1640 г.: «Явил захребетный татарин Бехтерючко Плевметев с товарищи, что они продали своего промыслу ... семь *тугушевь* на семь рублей...» [25, с. 140]; «Продаль торговой члвкъ Леонтеи Ворыпаевъ... лосиных кожъ болших и середних сто шеснатцат *токушеи* и всего тое рухляди и лосинь...»; «Бели двѣ пластишка ветчаные восемьсотъ лосиных кожъ болших и середних сто шеснатцат *токушеи* и всего тое рухляди и лосинь...», Томск, 1652 г. [24, кн. 305, л. 91, 92] (1682 г. – Тобольск. *тыгыш* [3, с. 158]);

чувал ‘очаг, примитивная печь’ – Томск, 1632 г.: «И велел у них в тех банях поделатъ юрты, на полтолках велел прорубить мури и чювалы поделатъ по-юртовски» [27, с. 70]. В КСлРЯ XI–XVII вв. для слова *чувал* имеется только один контекст XVII в. – из якутских деловых документов (пыточных речей) 1676 г.: «Они къ тѣм казакамъ къ Левкѣ и Ѳедотку къ Окосу въ юрту Тздили вмѣстѣ ночью, ... и того де Левку убилъ Байга, а онъ де Мавра въ то время стоялъ въ юртѣ за чюваломъ, а кто де Ѳедотка...», 1676 г. [27, с. 26].

Томские деловые документы XVII в. иллюстрируют ранние употребления регионализмов Сибири тюркского происхождения, не зафиксированных в исторических словарях других регионов:

багасары (*богасары*) ‘багасарские татары’, *кучегуты* (*кученгуты*, *кучюгуты*) ‘неславянская народность Сибири’ – Томск, 1616–1617 гг.: «А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: черные и белые колмаки и киргисские люди, и маты, и братья, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и *багасары*, и кызылы, и кузнецкие люди, и все те, государь, люди около Томсково города неподалеку кочуют и нас, государь, холопей твоих по землям и по пашням побивают...» [23, т. 1, с. 449]; «А к Томскому, государь, городу и Кузнецкому острогу прилегли орды многие, и кочуют, государь, белые и черные калмыки и киргисские люди и *кучюгуты* и братья и маты и саяны...», Томск, 1620 г. [23, т. 2, с. 258];

катуня (*катун*) ‘титул знатной дамы в феодальной Монголии’ – Томск, 1636 г.: «Мать мою, Чечен-катуню, бранил...» [3, с. 60]; (в КСлРЯ XI–XVII вв. – другое значение: *катуна* ‘женщина, хозяйка, госпожа’ [8, т. 7, с. 93]); томское *катун(я)* было заимствовано независимо от древнерусского тюркизма *катуна* ‘татарка’ [7, с. 272].

В целом в томской разговорной речи XVII в. функционировало около 40 % западных заимствований и около 60 % заимствований из уральских,

алтайских и других языков [28–33]. Сравнительный количественный анализ лексики, с одной стороны, западного происхождения, с другой – уральского и алтайского происхождения в неисконном компоненте лексического состава томских деловых рукописей XVII в. показывает явное преобладание сохранившихся досибирских заимствований из западных языков до XIII столетия. В дальнейшем, с XIV по XVII в., количественный состав хронологических пластов лексики уральского, алтайского и др. происхождения почти вдвое превосходит число западных по происхождению номинаций в соответствующих хронологических стратах.

Генетическая стратификация неисконной лексики сибирского периода существования среднеобских говоров (XVII в.) отражает начальное состояние формирования пограничного языкового континуума, соединившего и преобразовавшего в себе две различные культуры – славянскую и азиатскую.

Неисконный компонент лексики, заимствованной в сибирский период, примерно на 35 % составляют заимствования из западных языков и на 65 % – заимствования из уральских, алтайских и других языков. В сибирский период существования говоров Среднего Приобья XVII в. по сравнению с досибирским в содержании неисконного фрагмента лексики возрастает удельный вес иноязычной лексики алтайско-уральского происхождения.

Сравнительный анализ лексики уральского, алтайского и другого (незападного) происхождения, относящейся к разным хронологическим пластам, показал, что в томской разговорной речи, начиная с XIV в., в большей степени сохранились тюркизмы.

Отличительной особенностью процесса заимствования в сибирский период, отразившегося на лексическом строе томских деловых документов XVII в., является проникновение в разговорную речь русского населения сибирского фронта лексики из тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, представленной единичными номинациями среди досибирских заимствований, а также увеличение количества заимствований из местных сибирских монгольских языков и диалектов. Однако ведущим языковым влиянием для говоров Среднего Приобья XVII в. является тюркское.

Генеалогическая конкретизация тюркизмов позволила прийти к выводу о том, что среди тюркских заимствований сибирского периода существования русских переселенческих говоров Среднего Приобья (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточно-тюркских элементов. В XVII в. ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов.

Список литературы

1. Пелипась М. Я. Опыт исследования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Вып. 8: мат-лы Всерос. науч. конф. выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири», Томск, 12–14 окт. 2004 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 15–24.
2. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. URL: <http://www.history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html>
3. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1991. 181 с.
4. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / авт.-сост. В. В. Палагина, Л. А. Захарова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.
5. Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1971. 581 с.
6. Словарь Пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е. Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.
7. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. – Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1986–2008.
9. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–2. М.: Наука, 2004–2006.
10. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1: А–И. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 142 с.
11. Лабунец Н. В. Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы). Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003. 207 с.
12. Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. 420 с.
13. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Вып. 1–3 / сост. Л. И. Шелепова, Ю. И. Гамаюнова, Т. И. Злобина, И. М. Камова, М. Г. Рыгалина, М. О. Сорокина / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007–2009.
14. Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарских лексических элементов в славянские языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. С. 26–43.
15. Юналеева Р. А. Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 119 с.
16. Юналеева Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Талигмат, 2000. 172 с.
17. Мызников С. А. Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах (Разграничение и определение конечного источника) // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2001. № 20. С. 103–106.
18. Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 527–529.
19. Мудрак О. А. Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. С. 713–737.
20. Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1963. 300 с. (Рукопись).
21. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. III (1613–1645 гг.).
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
24. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец, кн. = книга, л. = лист.
25. Головачев П. Г. Томск в XVII веке. [Б. м.]: Изд-во Горохова, [б. г.]. С. 24–161.
26. Бояршинова З. Я. Основание г. Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Вып. 3. С. 21–48.
27. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. СПб., 1859. Т. VII (1675–1681 гг.).
28. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 480 с.
29. Щитова О. Г. Функциональная эквивалентность досибирских заимствований в деловой письменности XVII века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 6 (96). С. 5–11.
30. Щитова О. Г. Русская локально ограниченная лексика Сибири неисконного происхождения в деловой письменности XVII века // Там же. 2007. Вып. 2 (65). С. 12–19.
31. Щитова О. Г. Закономерности семантической ассимиляции неисконной лексики среднеобских говоров (на материале томских деловых документов XVII в.) // Там же. С. 45–52.
32. Щитова О. Г. Реконструкция неисконной лексики тематической группы «Военное дело» в томской разговорной речи XVII века // Там же. 2006. Вып. 5 (56). С. 28–34.
33. Щитова О. Г. Лексико-грамматическая валентность иноязычной лексики в русской разговорной речи XVII века // Там же. 2005. Вып. 3 (47). С. 136–141.

Щитова О. Г., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: shchitova@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 09.07.2010.

O. G. Shchitova

**TURKIC BORROWINGS IN THE RUSSIAN MIDDLE-OB DIALECTS IN THE ASPECT
OF THE PROBLEM OF SIBERIAN FRONTIER**

The article is devoted to the study of the Turkic vocabulary in the Russian dialects of the Middle-Ob in the 17th century. It is found out that this vocabulary is a feature of the frontier language continuum appeared in the 17th century, the influence of the Tatar languages and dialects is the strongest. Unpublished archive materials were also used for the study.

Key words: *historical lexicology, dialectology, borrowing, foreign vocabulary, Middle-Ob dialects, business writing of the 17th centuries, frontier.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.
E-mail: shchitova@sibmail.com